

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ АНДРОНОИДНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ ЛЕСОСТЕПНОГО ТОБОЛО-ИШИМЬЯ ВО II ТЫС. ДО Н.Э.

В.М. Костомаров

Рассматриваются проблемы развития андроновских традиций в лесостепной части Тоболо-Ишимья. Сделана попытка синхронизировать культуры андроновского и андроновского круга. Выдвигается гипотеза о двух параллельных линиях культурогенетических процессов, которые при тесной взаимосвязи имели существенные отличия.

Пахомовская культура, ташковская культура, коптяковская культура, традиции, хозяйство, культурогенез, хронология.

Территория лесостепного Зауралья во II тыс. до н.э. характеризуется сложными культурогенетическими процессами. Традиционно обозначенный хронологический промежуток исследователи связывают с так называемыми андроновскими и андроновскими древностями. Если понятие «андоновская культура» или «андоновская общность» единодушно соотносится с носителями алакульской, федоровской и отчасти черкаскульской культуры¹, то термин «андронеидный» трактуется учеными по-разному. Это обстоятельство, в свою очередь, обуславливает неоднозначность в оценках происхождения населения, оставившего подобные памятники, его материальной культуры и порождает дискуссии в определении характера его взаимоотношений с другими группами.

Термин «андронеидный» был предложен еще в 60-х гг. прошлого столетия К.В. Сальниковым по отношению к черкаскульским древностям или, по-другому, памятникам «лесного андрона». Происхождение оставившего их населения исследователь связывал с местными неолитическими племенами при незначительном участии андроновских групп [Сальников, 1967, с. 364–365]. Данную концепцию поддержал и развивал в своих работах Л.П. Хлобыстин. Исследователь рассматривал коптяковские и черкаскульские древности как андронеидные [Хлобыстин, 1976, с. 3–4]. Неоднозначно оценивались андронеидные культуры и М.Ф. Косаревым, первоначально он относил к ним и федоровскую [1974, с. 66], но впоследствии отказался от этой идеи и обозначил круг андронеидных культур без федоровских групп, включив в него коптяковские, сузгунские, черкаскульские и еловские древности [1981]. С середины 1980-х гг. источниковая база по эпохе бронзы существенно пополнилась и выделяются новые археологические культуры (пахомовская, ордынский этап, корчажнинская) [Корочкова, 1987; Матвеев, 1993]. За последние годы вышло немало работ, посвященных различным аспектам андронеидных культур, а также исследования, позволяющие дать оценку генезиса андронеидных традиций [Матвеев, 2000а, б; Полеводов, 2003; Костомаров, 2010; Зах, 2012].

Из историографии мы видим, что четкой и однозначной позиции по генезису и составу культур андронеидного типа на данный момент нет. Различные трактовки и гипотезы о происхождении и критериях андронеидных древностей вносят элемент неопределенности и как следствие вызывают дискуссии об их хронологии, происхождении и дальнейших судьбах.

Исследуя проблемы культурогенеза, в первую очередь необходимо дать краткую историко-культурную характеристику всем выделенным типам, этапам и группам памятников, давших уникальные материалы.

Несомненно, важно описать традиции и самые яркие культуры, в материале которых имеются признаки гребенчато-ямочной орнаментации. Ташковские древности наиболее близки к байрыкским [Косарев, 1981] (байрыкско-лыбаевским) комплексам Притоболья. Об этом неоднократно упоминалось в различных работах [Волков, 2007; Зах, 2009]. В действительности, если рассматривать композиции на байрыкских и ташковских сосудах, можно отметить сходство орнаментики и профилировки, тогда как форма днища у них различается (байрыкская посуда, как

¹ Автор придерживается концепции А.В. Матвеева [2000а] о единой связной линии федоровско-черкаскульского генезиса в Зауралье и относит черкаскульскую культуру к андроновским.

К вопросу о генезисе андронидных древностей лесостепного Тоболо-Ишимья...

правило, остродонная). Кроме этого, можно провести параллели в инвентарном наборе. В первую очередь это наличие однотипных рожковых грузил, которые встречаются и на памятниках с энеолитическим байрыкским слоем, и в слоях ташковских поселений. Отмечается сходство телесел и топоров [Ковалева, 1997, с. 130; Костомаров, 2013]. Рассматриваемые археологические культуры имеют общий ареал, для них характерно сходное географическое расположение памятников: например, в идентичных условиях в пределах заводоукского археологического микрорайона отмечены как ташковские, так и байрыкские комплексы. Это указывает на то, что традиции местного населения были четко привязаны к одной территории. Данный горизонт можно обозначить как подоснову андронидных традиций, некий базис.

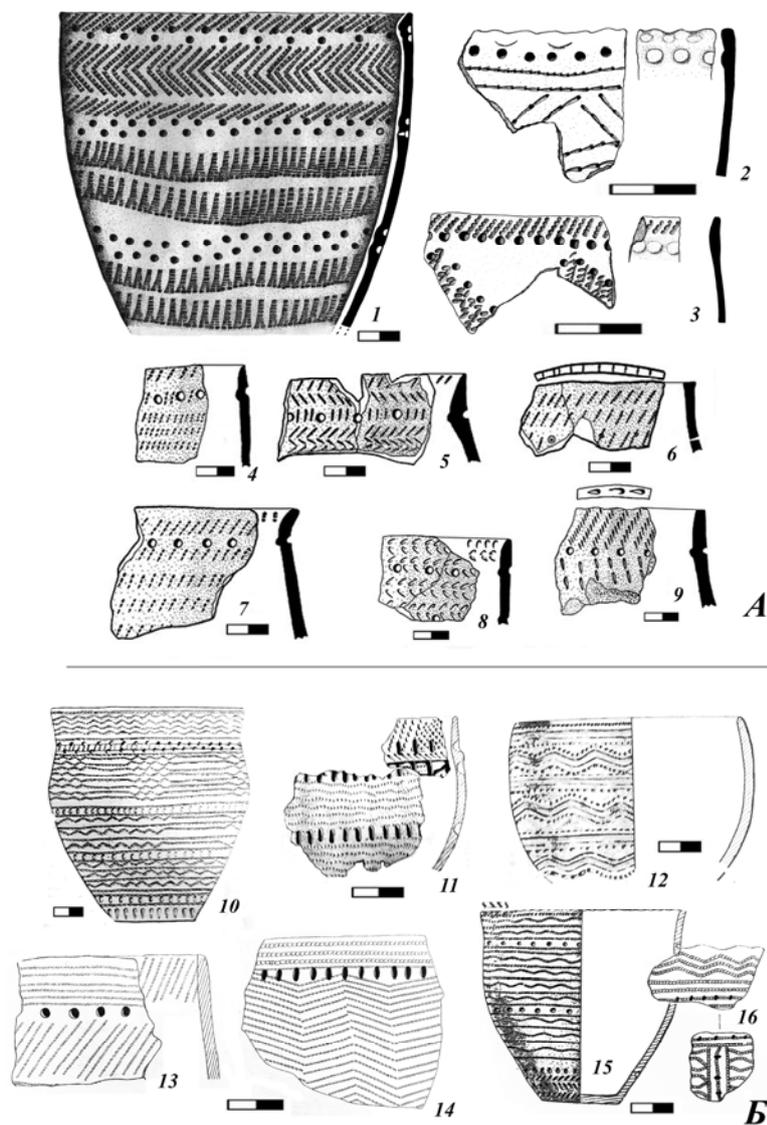

Рис. 1. Керамика байрыкской (А) и ташковской (Б) культур:
 1–3 — поселение Ук XIV (Ук 6); 4 — Старолыбаево 4а; 5 — Устюг 2; 6, 7 — Остров 2а; 8 — Ук 5; 9 — Остров 2б;
 10–16 — Ташково II: 4–9 — по [Волков, 2007]; 10–16 — по [Ковалева, 2000].

Согласно общепринятой хронологии, на смену ташковскому населению пришли коптяковские группы. Изначально коптяковский тип памятников был охарактеризован К.В. Сальниковым, который писал об эволюционном развитии компонентов коптяковского декора на местной неолитической основе [1964, с. 10]. Сегодня эта точка зрения однозначно не подтверждается какими-либо материалами в Притоболье, и это в большей степени связано с проблемами датировок и генезиса самих

неолитических культур в регионе. За последние годы в Притоболье было исследовано несколько новых коптяковских памятников, позволяющих сформировать целостное представление о культуре и механизмах ее генезиса, особенно в восточной части ареала [Зах, 2012; Зах и др., 2014]. В.А. Захом и коллегами изучены представительные комплексы поселений Чепкуль 5 и Чепкуль 20 [Зах, Иванов, 2007; Зах и др., 2014]. Говоря кратко о керамическом материале и в целом о коптяковской культуре, можно отметить своеобразную посуду, сочетающую черты алакульского декора и гребенчато-ямочные раппорты. Инвентарь этих памятников разнообразен и представлен большим количеством каменных орудий, грузил из глины, различного рода глиняными изделиями.

Памятники пахомовского типа, хронологически следующие за коптяковскими и федоровскими древностями, распространены на достаточно обширной территории Тоболо-Иртышья. Известно уже более 30 поселенческих и погребальных комплексов, позволяющих достаточно хорошо охарактеризовать это культурное образование. До недавнего времени относительно происхождения пахомовских древностей исследователи высказывались осторожно, основываясь на анализе керамических комплексов различных культур. Единодушные суждения практически всех участников дискуссии о пахомовских традициях касаются определения основных компонентов, участвовавших в сложении данной культуры: местного — гребенчато-ямочного и андроновского, характер которого по ряду причин установить затруднительно, но большинство исследователей склоняются к тому, что это федоровское население [Корочкова, 1987; Матвеев, 2000а; Полеводов, 2003; Костомаров, 2010].

Таким образом, видим, что все эти культуры хорошо диагностируются и дифференцируются по керамическим традициям. Ранние коптяковские комплексы имеют своеобразный колорит, с элементами алакульского, федоровского и ташковского вида. Пахомовский декор ближе к федоровскому и черкаскульскому, отчасти напоминает сузгунский, что, на наш взгляд, указывает на связи этих культур генетического и хронологического характера. При этом несомненно, что производственные мощности, набор навыков, приемы изготовления орудий у андроновского населения были выше, совершеннее и имели передовое значение. Данный тезис иллюстрирует и более эффективная экономическая система. Скотоводство у андроновцев было перенято местным населением и стало одной из основных отраслей вплоть до рубежа II–I тыс. до н.э., хотя и сохранялась достаточно высокая доля присваивающего, охотничье-рыболовческого хозяйства [Зиминова и др., 2012]. Если исследовать инвентарный набор, то также можно проследить прямые параллели в типах грузил, каменных орудиях и др. В целом данный вопрос заслуживает отдельного исследования.

Обратимся к хронологии обозначенных комплексов. Датировка, как и собственно хронологическая атрибуция любой культуры, базируется в первую очередь на серии радиоуглеродных дат. При этом необходимо учитывать и типологические характеристики вещей (металл, грузила, каменная индустрия). Исследователи ташковской культуры определяют интервал ее существования концом III тыс. до н.э. — начале II тыс. до н.э., а абсолютные даты позволяют синхронизировать существование отдельных поселков в рамках XXIII–XVIII вв. до н.э. [Рыжкова, 1994; Ковалева и др., 2000; Молодин и др., 2014]. Данный хронологический промежуток отчасти сопоставим с алакульскими датами, полученными по материалам памятников Притоболья (Хрипуновский могильник, Чистолебяжское 3 поселение), которые указывают на функционирование алакульских комплексов в XVIII–XVII вв. до н.э. [Матвеева и др., 2003]. По материалам Алакульского могильника приводятся и другие верхние границы — в пределах XV в. до н.э. [Куприянова, 2008, с. 217–236]. Хронологию зауральской группы коптяковских древностей можно определить по серии радиоуглеродных дат с памятников на оз. Чепкуль, которые указывают на существование данных объектов в XIX–XVII вв. до н.э. [Зах и др., 2011, с. 220]. Дата, полученная из очага сооружения поселка Чепкуль 5, говорит о его существовании в пределах XVIII–XVI вв. до н.э. [Зах и др., 2014, с. 36]. Для федоровской культуры в Притоболье имеются даты с ряда поселков в промежутке XVIII–XIV вв. до н.э. [Зах и др., 2013, с. 18; Матвеев, 2000а]. Для черкаскульской культуры А.В. Матвеев определял хронологический отрезок XIII–XI вв. до н.э. [2007, с. 35–36]. Для поселения Хрипуновское 1 получена серия радиоуглеродных дат в рамках XVI–XIV вв. до н.э. [Костомарова и др., 2011, с. 24]. Радиоуглеродные даты с пахомовских памятников укладываются в интервал XIV–XII вв. до н.э. [Матвеев, Костомаров, 2011, с. 53; Костомаров, 2010; Матвеева, Костомаров, 2009].

Данные датировки показывают, во-первых, наложение интервалов существования коптяковских и ташковских групп по верхней границе; во-вторых, частичную синхронизацию федоровских древностей в Притоболье с коптяковскими также по верхней границе. Таким образом, видим, что хронологические позиции некоторых групп населения отчасти совпадают, что еще раз может свидетельствовать об этапах сосуществования нескольких разнокультурных групп на одной территории.

К вопросу о генезисе андронидных древностей лесостепного Тоболо-Ишимья...

Рис. 2. Керамика коптяковской (А) и пахомовской (Б) культур:
 1–8 — Чепкуль 5 [Зах и др., 2014]; 9–13 — Большой Имбирь 10 [Матвеев, Костомаров, 2011]; 14–19 — Тюрмитяки 3 (коллекция находится в музее ОмГПУ (поселение открыто Е.М. Данченко). Мы признательны за возможность обработки и использования данных материалов); 20 — Ук XIV (Ук 6).

Обратимся к анализу металлообработки указанных культур, что позволит отчасти охарактеризовать их экономику и установить направление культурных связей. С точки зрения исследования андронидных культур большой интерес представляет металл ташковских памятников. Коллектив авторов [Дегтярева и др., 2014] не только проанализировал все имеющиеся источники, но и дал оценку отрасли в целом. Особенностью ташковской металлообработки, по мнению авторов, являлась неустойчивость производственного процесса (эксперименты с температурами), наличие импортных предметов сейминско-турбинского типа [Там же, с. 21]. В целом характер обработки металла можно определить как периферийный, выраженный в подражании и неустойчивости технологии, отрасль базировалась на импорте из более развитых районов, орудия имели архаичный облик. Но главным, указывающим на связи ташковского населения, является вывод о том, что ташковские группы были вовлечены в круг производства, основанного на легированных сплавах, миновав стадию освоения меди [Там же, с. 23]. Учитывая принятую хронологию ташковских древностей и приведенные точки зрения, можно предположить, что в качестве поставщиков такого сырья выступали носители алакульских традиций, как наиболее вероятный партнер в импорт-экспортных отношениях.

Продолжая тему развития металлообработки у андронидного населения Тоболо-Ишимья, можем дать лишь приблизительные характеристики, так как металлических изделий немного, хотя поселений, изученных большими площадями, достаточно. По данным, приводимым О.Н. Корочковой [2010], население коптяковской культуры на Урале было одним из передовых в рас-

смаатриваемой отрасли. На исследованных поселениях Притоболья нет настолько выраженных свидетельств металлообработки. Данное наблюдение относится и к пахомовским древностям Зауралья, где в целом количество найденных бронзовых изделий и их заготовок или фрагментов — не более двух десятков. Вместе с тем их географические соседи в Притоболье, носители черкаскульской традиции, имели достаточно развитую металлообработку, генетически связанную с традициями федоровской и алакульской культур [Дегтярева, Костомарова, 2011, с. 43].

В результате анализа полученных ранее материалов, а также новых данных наиболее вероятным представляется наличие двух линий развития в культурогенезе лесостепной части Притоболья. Если говорить о генеральных направлениях, то можно выделить следующие. Автохтонное представлено эволюцией культур ташковско-кротовского пласта в группы населения — носителей коптяковских или подобных им традиций. Основой сложения коптяковского компонента, как и подобных ему, в Тоболо-Ишимском междуречье, скорее всего, являлись местные группы, носители гребенчато-ямочной орнаментальной традиции в гончарстве, а также пришедшие андроновские группы. Предположительно характер контактов и их продолжительность определялась на взаимовыгодных условиях, данное сосуществование объяснялось также разделением экологических ниш и разнонаправленной экономической составляющей.

Данный тезис позволяет характеризовать территорию Тоболо-Ишима как контактную зону разнонаправленных векторов — андроновского с юга и юго-запада, гребенчато-ямочного с востока и севера. Как показывают датировки, ташковские и алакульские племена хронологически сосуществовали. Они, несомненно, вступали в контакты, что, скорее всего, привело к появлению коптяковских традиций.

Впоследствии коптяковские группы, на наш взгляд, послужили основой для формирования древностей пахомовского облика, что согласуется и с хронологией, и с данными анализа декора керамики, хозяйства и в целом историко-культурной обстановки в регионе. Однако не следует воспринимать появление пахомовских традиций как прямую эволюцию коптяковской культуры. Согласно датировкам, коптяковское население вполне могло иметь связи с федоровским населением. О том, что федоровские группы на территории Притоболья ассоциируются с культурой мигрантов, говорят результаты технико-технологического анализа глиняной посуды [Илюшина, 2014, с. 37]. Хотя в последнее время появляются новые точки зрения о формировании собственно федоровских комплексов на территории Притоболья и их последующем распространении [Зах, 2014]. Но говорить об автохтонном происхождении федоровской культуры на основе коптяковских комплексов на данный момент преждевременно из-за скудности источниковой базы. Также не решена проблема несогласованности датировок этих комплексов, да и в целом различной культурно-хозяйственной составляющей. На наш взгляд, неуместно включать в круг культур андроновидного типа памятники черкаскульской культуры Нижнего Притоболья, так как комплексный анализ материалов (керамического комплекса, хозяйства, датировок) указывает на непосредственное развитие черкаскульских традиций из федоровских, предшествовавших им, и, вероятно, черкаскульская культура может быть соотнесена с заключительным этапом развития федоровской культуры в Притоболье. Кроме того, общность традиций и хозяйственно-культурного типа этих групп населения не вызывает сомнения, а различия можно объяснить хронологией. Данное положение неоднократно было детально рассмотрено в ряде работ, аргументирующих преемственную связь этих групп населения [Матвеев, 2000а, 2007; Костомарова и др., 2011].

Приишимье, как промежуточная зона между притобольским и прииртышским очагами культурогенеза, имеет свою специфику генезиса традиций в эпоху бронзы, но вместе с тем соответствует общим тенденциям в развитии культур соседних территорий. Здесь отмечены комплексы и ранней бронзы, и местные, связанные с развитием гребенчато-ямочной традиции. На данный момент в Приишимье из андроновидных наиболее изучены и широко известны лишь пахомовские памятники. По отношению к пахомовской культуре в наших предыдущих работах мы употребляли термин «древности», с более широким смыслом, нежели в классическом понимании археологической культуры. Именно пахомовские памятники, традиции и культурное окружение позволяют применять подобную характеристику. О схожести керамических комплексов Притоболья и Приишима говорят и сравнительно-статистические параметры декора пахомовской посуды [Матвеев, Костомаров, 2011]. Ранее автором была поддержана точка зрения А.В. Матвеева о миграции части пахомовского населения в район Притоболья. Однако на данный момент, в связи с появлением новых источников, более логично предполагать, что процесс формирования пахомовских групп протекал на обширной территории Тоболо-Иртышья, где на ос-

К вопросу о генезисе андронидных древностей лесостепного Тоболо-Ишимья...

нове местных традиций под воздействием различных андроновских групп и формировался андронидный массив, ассоциировавший множество культур, который ранее был выделен как ордынско-пахомовский пласт [Корочкова, 1987]. В современном понимании данный термин приобретает более узкое значение, а памятники ордынского типа, на наш взгляд, следует объединять в особую группу андронидных древностей Приобья, соотнеся их с ордынскими, раннееловскими и корчажжинскими комплексами. Вопрос о наличии пахомовских памятников за пределами Тоболо-Иртышского региона остается открытым, хотя сам процесс появления таких комплексов, несомненно, протекал на всей территории Зауралья, Прииртышья и Приобья.

На основании обобщения всего фактического материала можно сделать некоторые выводы. Во-первых, андронидные древности, собственно, как и андроновские, ассоциируются у исследователей с общностью культур, имеющих специфические традиции. При этом большинство авторов указывают, что материал, относимый ими к андронидным древностям, имеет практически те же признаки, что и андроновский (алакульский, федоровский). Наиболее ярким моментом является дискуссия о характере черкаскульских групп в Притоболье. Во-вторых, как правило, ареал андронидных культур совпадает с окраинами ареала андроновского населения. При этом неоднократно отмечалось, что андронидные памятники находятся на периферии размещения андроновских комплексов. Однако не нужно забывать, что это были и основные территории расселения автохтонных групп с гребенчато-ямочными традициями, но при этом тут же присутствуют памятники с чистым андроновским материалом. В-третьих, хронология комплексов андронидного типа указывает на полную или частичную синхронность их с андроновскими. Вместе с тем следует иметь в виду сложный процесс культурного взаимодействия человеческих коллективов. Поэтому определить четко, была та или иная община ассимилирована, следовала моде при декорировании сосудов и ведении хозяйства или внедрила свои элементы культуры, не представляется возможным. Таким образом, термин «андронидный» требует переосмысления и может использоваться с оговоркой, что конкретно исследователь под ним подразумевает. На наш взгляд, более логично выделять культуры, сформировавшиеся на преимущественно автохтонной основе при участии андроновских групп, и собственно андроновские культуры.

Подводя итог, можем говорить о нелинейном развитии культур в Тоболо-Ишимском регионе. Автохтонное население с гребенчато-ямочной традицией орнамента керамики развивалось и изменялось на протяжении всего бронзового века при постоянном вливании пришлых андроновских групп, которые оказывали влияние на производственно-экономический комплекс старожилов, участвовали в активных ассимиляционных контактах, что приводило к появлению новых культур и формированию оригинальных традиций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Волков Е.Н. Лыбаевские древности лесостепного Притоболья: (Эпоха энеолита) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. № 7. С. 22–35.

Дегтярева А.Д., Ковалева В.Т., Кузьминых С.В. Особенности цветной металлообработки племен ташковской культуры Нижнего Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 3. С. 14–24.

Дегтярева А.Д., Костомарова Ю.В. Металл позднего бронзового века лесостепного Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 30–46.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 319 с.

Зах В.А. Коптяковская культура в Нижнем Притоболье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 2 (17). С. 29–40.

Зах В.А. Формирование федоровской культуры в Нижнем Притоболье и пути миграции ее носителей на восток // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 1 (14). С. 50–60.

Зах В.А., Зимица О.Ю., Рябогина Н.Е. Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 219–233.

Зах В.А., Иванов С.Н. Комплекс эпохи бронзы многослойного поселения Чепкуль 20 на севере Андреевской озерной системы // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. № 7. С. 12–21.

Зах В.А., Костомаров В.М., Илюшина В.В., Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Костомарова Ю.В. Коптяковский комплекс поселения Чепкуль 5 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 1 (24). С. 36–49.

В.М. Костомаров

Зах В.А., Рябогина Н.Е., Илюшина В.В., Иванов С.Н., Мурзина Е.И. Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 1. С. 10–23.

Зими́на О.Ю., Костомаров В.М., Цембалюк С.И. Палеоэкономика населения Тоболо-Ишимья на рубеже бронзового и железного веков // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (8). С. 73–81.

Илюшина В.В. Керамика федоровской культуры поселения Курья 1 в Нижнем Притоболье // РА. 2014. № 3. С. 26–38.

Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково II. Екатеринбург: УрГУ, 1997. 131 с.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: Поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 160 с.

Корочкова О.Н. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 26 с.

Корочкова О.Н. Андронидные культуры Урала и Западной Сибири: Генезис, динамика, связи // УИВ. 2010. № 2. С. 46–51.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 278 с.

Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири: Культурная атрибуция, хронологическая и территориальная локализация: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 26 с.

Костомаров В.М. Материалы поселения Ук XIV (Ук 6) в контексте изучения разновременных традиций древнего населения Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 2 (21). С. 28–35.

Костомарова Ю.В., Костомаров В.М., Зевайкина И.С. Результаты исследования селища Хрипуновское 1 — нового памятника эпохи поздней бронзы и раннего железного века на территории лесостепного Притоболья // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. Вып. 3. С. 4–32.

Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как текст. Челябинск: Автограф, 2008. 244 с.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 181 с.

Матвеев А.В. Лесостепное Зауралье во II — начале I тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000а. 50 с.

Матвеев А.В. Черкаскульская проблема и метаморфозы концепции «лесного андрона» // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Тез. докл. Всерос. науч. конф. Омск, 2000б. С. 75–77.

Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 4–42.

Матвеев А.В., Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 46–56.

Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Древности Ингальской Долины. Новосибирск: Наука, 2003. 176 с.

Матвеева Н.П., Костомаров В.М. К вопросу об особенностях погребального обряда населения пахомовской культуры лесостепи Западной Сибири // Вестн. ТюмГУ. 2009. Вып. 4. С. 14–24.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3. С. 27–43.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.

Рыжкова О.В. Ташковская культура в Нижнем Притоболье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1994. 18 с.

Сальников К.В. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // ВДУ. 1964. Вып. 6. С. 5–23.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л.: Наука, 1976. 65 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
vkostomarov@yandex.ru

The article is devoted to consideration of development questions regarding Andronoid traditions in the forest-steppe part of Tobol and Ishim basin. The author attempts to synchronize cultures of the Andronovo and Andronoid circle. The paper sets up a hypothesis of two parallel trends in the culturogenetic processes which, under close interrelation, were noted for substantial differences.

The Pakhomovo culture, the Tashkovo culture, the Koptyaki culture, traditions, household, culturogenesis, chronology.